

ЭО, 2010 г., № 4

© Д.А. Функ

**О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ ЯЗЫКОВ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
ЮЖНОЙ СИБИРИ (В КОНТЕКСТЕ
ПРИМЕНИМОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВ
МЕНЬШИНСТВ)**

Ключевые слова: языки народов Сибири, шорцы, чулымцы, имплементация Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств в России

Размышления по поводу имплементации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (далее – Хартия) применительно к Российской Федерации, насколько можно судить по результатам недавних встреч в Москве европейских и российских чиновников и исследователей-экспертов, часто сводятся к необходимости дать ответ на следующий вопрос: “Насколько трудоемкой и затратной для России окажется эта самая имплементация?”. Вопрос, уверен, не праздный, особенно если учитывать угрожающе неудовлетворительную степень изученности некоторых языков или, скажем, число этих самых языков, несопоставимое ни с какой другой европейской страной. Но ведь к проблеме имплементации Хартии можно подходить и с несколько иных позиций. Я бы предложил сформулировать вопрос следующим образом: «Чем поможет имплементация этой Хартии тем языкам РФ, которые, действительно, несравнимо менее широко, по сравнению с государственным (государственными) языком, используются на территории проживания их “носителей”?».

Попробуем хотя бы вкратце обрисовать ситуацию с языками малочисленных тюркских народов Южной Сибири, чтобы более отчетливо представить себе масштабы предстоящей работы (разумеется, если мы не собираемся просто наблюдать за тем, как эти языки один за другим выйдут из живого бытования). Ограничусь рассмотрением ситуации с языками шорцев в Кемеровской обл. и чулымцев в Томской обл. и Красноярском крае; согласно оценкам лингвистов, оба этих языка входят в группу языков, находящихся под угрозой исчезновения. Такой выбор, насколько мне видится, позволит более или менее адекватно представить себе положение дел в целом со всеми сибирскими тюркскими языками в ситуациях отсутствия каких-либо форм автономии у “носителей” этих языков, то есть охарактеризовать состояние таких языков, помимо шорского и чулымско-тюркского, как калмакского, телеутского, тофаларского, сойотского, и до известной степени также некоторых иных языков этого региона.

Напомню читателям: и шорцы, и чулымские татары являются тюркскими народами. Численность первых, согласно данным переписи населения России 2002 г., составляет 13 975 чел. (из них 11 554 – в Кемеровской обл.), а вторых – всего 656 (484 – в Томской обл.). Число людей, декларировавших во время проведения этой переписи владение родным языком, составляло 6210 (44%) и 270 чел. (41%), соответственно (см.: www.pereris2002.ru). Согласно же экспертным оценкам лингвистов, процент людей, реально свободно владеющих этими языками, является значительно меньшим и составляет у шорцев менее 10% (по оценкам экспертов даже на конец 1980-х годов), а у чулымцев эти оценочные данные варьируют от 24 (данные 1996 г.: *Львова, Томилов 2005: 170*) до 10% (данные 2005–2008 гг.). Такого рода экспертные оценки, во всяком

случае в отношении шорского языка, не должны удивлять: 74% шорского населения в Кемеровской обл. – жители городов, что априори позволяет предполагать низкий уровень языковой компетенции хотя бы по причине отсутствия соответствующей языковой среды. Разумеется, степень владения этими языками оказывается более высокой в сельских регионах в местах компактного расселения этих этнических групп.

Шорский язык. В шорском языке, обычно относимом лингвистами к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркской семьи языков (*Баскаков* 1981: 19–20) или считающимся особым языком, занимающим переходное место между ойратской и хакасской группами языков (*Menges* 1982: 72–74), выделяют мрасский и кондомский диалекты. “Каждый из них имеет разветвленную систему говоров: основные говоры кондомского диалекта – нижнекондомский с абашевским подговором, мундыбашский (каларский), антроповский, верхнекондомский, пызасский; основные говоры мрасского диалекта – нижнемрасский, томский, среднемрасский, кобырзинский, верхнемрасский с ортонским подговором; в настоящее время благодаря мобильности шорского населения идет процесс смешения говоров и нивелировки диалектных различий” (*Невская* 2005).

История академического изучения этого языка насчитывает к настоящему времени полтора столетия. Собраны и частично опубликованы значительные фольклорные материалы, включая записи бытовой речи¹: в меньшей степени это относится к кондомскому диалекту, так как практически все записи были сделаны в низовьях р. Мрас, что во многом и послужило обоснованным поводом для избрания в 1920-е годы именно этого говора в качестве основы шорского литературного языка. Лингвисты подтверждают факт наличия описаний многих фонологических и грамматических подсистем, но при этом вполне резонно сетуют на отсутствие как современной академической грамматики, так и академического шорско-русского словаря (Там же).

Шорский язык стал вновь преподаваться в Кемеровской обл. лишь в 1989 г., после практически 50-летнего перерыва. Введение факультативов в школах, написание первых учебных пособий по языку, подготовка учительских кадров на базе Новокузнецкого пединститута (в настоящее время – Кузбасская государственная педагогическая академия, КузГПА) в целом совпали по времени и потому довольно быстро принесли первые плоды. Начиная с 1990 г. для преподавания языка в школе были созданы и опубликованы букварь и учебники шорского языка для 2, 3, 4 и 5–6 классов, а также методические указания, несколько книг для чтения и школьный двуязычный словарь. И все бы ничего, но даже при том, что шорский язык к середине 2000-х годов преодолел кружковый барьер и был включен в школьную учебную программу, на его изучение в школах больше одного часа в неделю так и не было выделено.

Такой подход к изучению языка – а для большинства шорских ребятишек это иностранный язык – абсолютно лишен смысла и заведомо не имеет перспектив. Не хватало не только учебного времени, но и методических пособий. “Программу обучения составляем сами, наглядные пособия также делаем своими руками. Буквы, азбука, раздаточный материал – всё самодельное”, – так пишет о своей работе молодая учительница шорского языка Чувашинской начальной общеобразовательной школы² Н.В. Бельчегешева. Впрочем, многое, разумеется, зависело и зависит от преподавателя. Та же Н.В. Бельчегешева смогла заинтересовать ребятишек: “На уроке стараюсь разговаривать только на шорском языке. Даже если некоторые слова не понимают, главное, чтобы они хоть одно слово да запомнили, так легче приумножить словарный запас. Провожу открытые уроки, игры, классные часы, праздники, КВН, инсценируем сказки, совершаем экскурсии в краеведческий музей, на природу... За год моей работы в школе ребята выучили шорские поговорки, пословицы, песни, прочли шорские легенды, сказки” (*Бельчегешева* 2005).

Общее число школ, где дети имеют возможность хотя бы в таком усеченном варианте приобщаться к основам шорского языка, в целом невелико: в последние два

десятилетия оно никогда не превышало семи-восьми. По официальным данным за 2004/2005 учебный год, размещенным на сайте Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования, сведения об этих школах и их учащихся выглядят противоречиво. В одной из таблиц (№ 3) показано, что таковых школ было всего шесть и шорский язык как предмет в них изучали 125 учащихся 1–4 классов, 189 – 5–9 классов и 9 чел. – 10–11(12) классов, всего 323 ученика. Из данных другой таблицы (№ 4) следует, что в Кемеровской обл. шорский язык преподавался в восьми школах, один – в городе и семь – в сельской местности, а училось в них 355 чел. (Кузьмин, Артеменко 2007).

Следует заметить, что неудовлетворительное положение с изучением шорского языка вызывает озабоченность и у различных организаций, в том числе на областном уровне. Так, в августе 2008 г. в г. Таштаголе при поддержке Департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской обл. был проведен “круглый стол” “Модель школы с этнопедагогическим и национально-языковым (шорским и телеутским) компонентами”, на котором не только анализировалась ситуация с языками аборигенного населения области (“за последние годы значительно ухудшилась ситуация со школами в селах компактного проживания шорцев, снижается желание детей учить шорский язык, да и самих носителей языка с каждым годом становится все меньше” – Чайковская 2008), но и предлагались вполне конкретные шаги по ее оптимизации. В частности, при поддержке КузГПА “планируется создать особую воспитательную среду, способствующую формированию у детей чувства собственного национального достоинства и самосознания, направленные на повышение мотивации к изучению собственной самобытной древней истории и культуры” (www.gairon.org).

Коль скоро речь зашла о вузовской подготовке, можно отметить, что начиная с 1989 г. на факультете русского языка и литературы КузГПА ведется подготовка молодых специалистов по такой уникальной специальности, как “Шорский язык и литература” (код по ОКСО 050302). Первый выпуск специалистов с квалификацией “учитель русского языка и литературы, учитель шорского языка и литературы” состоялся в 1994 г., и с тех пор выпуск происходит ежегодно. По состоянию на 2005 г. кафедра подготовила 97 человек; в том году на пяти курсах по данной специальности обучалось еще 57 человек (Шенцова 2005). Даже при том, что в 2002 г. в аспирантуре КузГПА была открыта специальность 10.02.02 “Языки народов России (шорский язык)”, очевидно, что число выпускников многократно превышало имевшиеся в Кемеровской обл. возможности для трудоустройства по данной специальности.

Полагаю, что именно это, наряду с большой учебной и психологической нагрузкой в школах и непропорционально низкой заработной платой учителей, не осталось незамеченным молодежью, что привело к постепенному падению интереса к этой специальности со стороны абитуриентов. И хотя, по информации на сайте КузГПА, на 2010-й год открыт прием на специальность 050302 (www.kuzspa.ru), в прошлом году руководство вуза обсуждало возможность закрытия кафедры шорского языка и литературы “за отсутствием спроса на эту специальность”. О реальности развития событий по этому сценарию говорит и такой факт, признаваемый самими учащимися и выпускниками данной кафедры, как то, что “из выпускников единицы преподают шорский язык, так как просто-напросто *не знают его* (курсив мой. – Д.Ф.)” (Тунекова 2009: 75). Но оставим пока в стороне методики обучения шорскому языку, применяемые в среднем и высшем образовании в Кемеровской обл., и результативность обучения с опорой на такие методики.

Важно отметить, что шорский язык продолжает свое существование и как литературный язык, на котором создаются художественные прозаические и поэтические произведения, регулярно публикуемые как в виде книг, так и в средствах массовой информации. Число пишущих на этом языке оказалось достаточным даже для образования собственной шорской секции при Хакасском отделении Союза писателей России.

Применительно к обсуждаемой нами проблеме имплементации Хартии в РФ важно подчеркнуть, что в случае с шорским языком существует солидная как исследовательская, так и педагогическая база, имеется собственная литература, записаны уникальные фольклорные материалы, подготовлено несколько квалифицированных учителей этого языка (владеющих шорским либо как родным, либо, по европейской шкале СЕФ, на уровне, по меньшей мере, В2), а также специалистов-лингвистов, кандидатов и докторов наук. Впрочем, всё это – на фоне неуклонного сужения функций шорского языка и падения его престижа.

Напомню, что для ратификации Хартии принимающая ее сторона должна взять на себя обязательство применять в своей деятельности все положения второй части, а в отношении особо оговариваемых языков также следование, по меньшей мере, 35 пунктам или подпунктам третьей части Хартии. Что же мы имеем в случае с шорским языком? Все или практически все цели и принципы, декларируемые во второй части Хартии, применимы и вполне отвечают современному положению шорского языка. Более того, даже если мы ограничимся лишь ст. 8, 11 и 12 третьей части, то без особых проблем наберем, как минимум, половину пунктов от требуемого Хартией числа. С одной стороны, это свидетельствует о значительном заделе, имеющемся в РФ применительно даже к таким языкам меньшинств, каковым является шорский язык. С другой же стороны, это наглядно говорит о том, сколько еще предстоит сделать для того, чтобы начать, наконец, приближаться к развитым европейским государствам в процессе обеспечения прав своих граждан пользоваться региональными языками/языками меньшинств.

Чулымско-тюркский язык. Чулымско-тюркский язык – это самостоятельный тюркский язык смешанного типа с преобладающими уйгурскими и кыпчакскими чертами. Как и шорский язык, чулымско-тюркский относят к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркской семьи языков (напр., см.: *Баскаков* 1981: 19–20) или же считают связующим звеном между хакасской группой и западносибирскими тюркскими языками (*Menges* 1982: 72–74). Выделяются два диалекта: нижнечулымский и среднечулымский, различия между которыми подробно описаны и проанализированы в работах Р.М. Бирюкович (*Бирюкович* 1979, 1979а, 1981). “Кюэриксское наречие”, материалы по которому в середине XIX в. собирались В.В. Радловым, более не существует. Значительная часть тюркских этнических групп, чей язык мог бы быть включен на правах говоров или диалектов в чулымский язык, была ассимилирована преобладающим славянским населением, так и оставшись необследованной лингвистами (напр., см.: *Функ* 1993).

“В настоящее время большая часть чулымско-тюркского населения сосредоточена на Среднем Чулыме, в Тегульдетском районе Томской области... По данным хозяйственных книг Белоярского и Тегульдетского сельсоветов Тегульдетского района за 1978–1980 гг. чулымцев около 560 человек; свыше половины их жило в районном центре Тегульдет, остальные – в поселках Белый Яр, Ново-Шумилово, Верх-Скоблино, Берегаево и др. Общая численность семей, в составе которых были представители чулымских тюрков, – 295, из них большая часть – 191 семья – однонациональны по составу, а 104 являлись национально-смешанными.

Небольшая группа чулымских тюрков в конце 1960-х годов жила в Тюхтетском районе Красноярского края в поселках Пасечное, Чиндат, Кохтенево, Тюляпсы, Амочеево, Кульбень, Костино. Последние 4 поселка в 1970–1971 гг. запустели, и их немногочисленное население разбегалось” (*Львова и др.* 2005: 125).

В случае с чулымско-тюркским языком, увы, обо всем приходится говорить лишь с использованием частицы “не”. Несмотря на довольно длительную историю изучения, язык чулымских тюрков – во многом из-за низкого уровня эрудиции молодых исследователей, а также вынужденной грантовой стратегии, поощряющей немотивированные заявления о “неизученности” чего-либо – оказывается окруженным ореолом

загадочности и неизученности, порой даже с налетом анекдотичности. Так, февральская дискуссия 2004 г. о чулымском языке на портале LanguageHat началась с цитирования заявления К.Д. Харрисона на сайте Swarthmore Linguistics Department (www.swarthmore.edu): “Мы отправились исследовать язык, в отношении которого даже не было уверенности в его существовании... Он был неверно идентифицирован и ошибочно смешан в кучу с другими языками в России, исходя из удобства и политических причин, и мы даже не знали, остались ли еще люди, говорящие на этом языке. Никто из исследователей не был у них в последние 30 лет, и никто не записал ни единого слова этого языка”³.

Впрочем, как сказано выше, порой все выглядит еще более комично – либо на уровне анекдотов от армянского радио о “лексический нищете” чулымского языка, в которую повергает его надвигающийся на Россию капитализм (комментарий Дж. Харди от 5 февраля 2005 г.; www.swarthmore.edu), либо не менее анекдотичных утверждений о том, что “после завоевания и присоединения Западной Сибири к России в XVI в. одна группа барабинских татар отправилась на запад и присоединилась к другим тюркам, живущим в бассейне р. Чулым” (*Акын* 2010: 97)⁴.

Оставим в стороне такого рода публикации и обсуждения и попробуем посмотреть на сферу использования данного языка.

На территории Тегульдетского р-на Томской обл., по официальным данным, в 2006 г. проживало 474 чел., относящихся к числу коренных малочисленных народов Сибири (КМНС). При этом прогнозировалось их сокращение до 404 чел. в 2007 г. с постепенным увеличением численности до 425 чел. в 2012 г. (Программа... 2007: 45). Из намеченных на шесть лет мер по “самобытному социально-экономическому и культурному развитию коренных малочисленных народов севера” языка касается один пункт программы: “Организация издательской работы на языке КМНС” (Программа... 2007: 60). Анализ школьных программ / учебных планов 2009/2010 учебного года всех школ Тегульдетского р-на⁵ свидетельствует об отсутствии преподавания чулымско-тюркского языка в какой-либо форме. И в связи с этим возникает резонный вопрос о том, как и на какой основе будет вести эту самую издательскую деятельность “на языке КМНС”?

Что же касается языковой компетенции томских чулымцев, то судить о ней представляется возможным разве что по данным зарубежных исследователей. Согласно наблюдениям упоминавшего выше американского лингвиста, в начале 2000-х годов из 425 членов этого “племени” лишь 35–40 человек свободно владели этим языком⁶ (реплика К.Д. Харрисона на портале LanguageHat от 4 февраля 2004 г.), а по данным группы корейских лингвистов 2005 г. – не более 20 чел. (см.: *Акын* 2010: 98).

По данным 2007–2008 гг., в д. Пасечное Тухтетского р-на Красноярского края из примерно 200 жителей 65% составляли чулымцы. Самой молодой “носителнице” чулымско-тюркского языка в 2008 г. было 48 лет. Идея начать преподавание родного языка в д. Пасечное принадлежит местному жителю А.Ф. Кондиякову, имеющему 8 классов образования, на занятия к которому в первый год собиралось до трех десятков взрослых односельчан, на второй год – под предлогом того, что в школе, где проходили занятия, должны заниматься не взрослые, а дети, – язык стали учить ребяташки (в том числе и русские), а на третий год (2008-й?) по причине отсутствия такого языка в программе Федерального агентства по образованию эту инициативу и вовсе заглушили. В условиях отсутствия учебников, методических пособий, словаря, преподавание строилось лишь на инициативе учителя, не имеющего специальной подготовки. Отсюда неудивительно, что именно учитель пытается “изучать традиции своего народа – чулымцев – и развивать – сохранять, записывать – свой родной чулымский язык *при помощи придуманной им орфографии* (курсив мой. – Д.Ф.) на основе русского алфавита” (реплика Валерии Лемск(ой) от 21 февраля 2009 г. на портале Lingvoforum: <http://lingvoforum.net>). Им же был создан и букварь: “Пришлось долго переводить на

чулымский и записывать слова, вырезать картинки из газет и приклеивать в самодельную азбуку” (Змановская 2008).

Очевидно, что чулымцы с их языком являют собой один из ярких примеров отсутствия всего и вся. Нет учебников, равно как нет и часов в школе для изучения этого языка, нет методических пособий, равно как нет и словарей, нет учителей, равно как нет и университетского центра, где бы такие учителя готовились. Рассуждать на этом фоне об отсутствии “издательской работы на языке КМНС” или, скажем, радио- или телевидения на чулымско-тюркском языке просто не имеет смысла.

Таким образом, если в целом рассматривать ситуацию с чулымско-тюркским языком, то придется признать, во-первых, абсолютно катастрофическое его положение, во-вторых, необходимость срочного принятия мер по его изучению и ревитализации. Закрывать на это глаза, твердя, что страна еще не готова к имплементации Хартии (ну чем тут чулымско-тюркский язык не пример?!), значит обрекать языки, подобные чулымскому, на полное исчезновение.

В начале этой статьи было сказано, что выбор лишь двух языков позволит нам представить положение дел со всеми сибирскими тюркскими языками, “носители” которых не имеют каких-либо автономий. Для того чтобы расположить названные нами языки на некой шкале, введем несколько параметров, по которым можно будет оценивать уровень защищенности языка. В качестве таковых параметров я бы предложил следующие: 1) архивы и публикации фольклорных материалов, 2) лингвистические исследования данного языка вкуче с этнологическими работами об истории и культуре данной этнической группы, 3) словари, 4) учебники и учебные пособия по языку и литературе для начальной и средней школы, 5) преподавание данного языка в школе, 6) преподавание в школе на данном языке всех или хотя бы основных гуманитарных предметов, 7) изучение языка и подготовка учителей в вузах (с уточнением – подготовка в местах компактного проживания данной этнической группы или же только в “столицах”, например, в Санкт-Петербурге), 8) художественная литература (собственная и переводная) на своем языке, 9) СМИ, в том числе радио- и/или телевидение, на этом языке. Критериев таких может и, если следовать предложениям Хартии, должно быть существенно больше, но применительно к рассматриваемой нами ситуации с тюркскими языками в Сибири и названных девяти пунктов вполне достаточно.

Так вот, если мы попробуем расположить упоминавшиеся нами языки на отрезке, постепенно продвигаясь вправо от нулевой точки, то окажется, что практически все они будут группироваться где-то около нулевой отметки. Это касается чулымско-тюркского и калмакского языков, где нет ни словарей, ни букварей. Это же относится и к телеутскому языку, учителя которого, несмотря на длительную историю изучения языка и наличие значительных по объему архивов (подробно см.: Телеутский фольклор 2004), в настоящее время⁷ ничем, кроме маленьких учебных словариков, букваря, разговорника (см.: Функ 2005) и недавно изданного симпатичного учебного пособия по этому языку для русскоязычных (Токмашев, Токмашев 2008), не располагают. Не намного лучше ситуация с тофаларским и сойотским языками, где только в последние годы, причем стараниями лишь одного специалиста, проф. В.И. Рассадина, были созданы и школьные словари, и буквари, и книги для чтения в первых классах школы и даже подготовлены учителя этих языков (Рассадин, Шибкеев 1989, 1990; Рассадин 1994, 1995; Легенды... 1996; Словарь... 2006; Букварь... 2009). Готовить учителей по названному языку негде. Разве что телеутские выпускники школ могут поступать учиться на шорскую кафедру в КузГПА⁸ или же на филологический факультет Горно-Алтайского государственного университета⁹.

Сказанное выше о тюркских языках Сибири можно было бы расширить, включив в наш обзор рассказ о состоянии языков кумандинцев, челканцев и тубаларов Степного и Северного Алтая, долган Таймыра, или, скажем, хакасов-качинцев, живущих за пре-

делами Республики Хакасия. Можно было бы выйти и за пределы тюркского мира и рассказать о трагедии таких сибирских языков, как, например, удэгейский, ульчский и орочский в Хабаровском крае или же язык уйльта на Сахалине, язык южных селькупов Томской обл. или же нивхский язык в Хабаровском крае и на Сахалине¹⁰. Этот перечень можно продолжать, но, думается, и сказанного вполне достаточно, чтобы представить себе и значительный разрыв в современном положении части языков сибирских аборигенов с положениями даже второй части Хартии, и, следовательно, огромное поле научных, научно-прикладных, педагогических исследований, открывающееся перед нами. Очевидно, что даже на волне активизации национально-культурных движений за два десятилетия существования постсоветской России людям так и не удалось в полной мере решить проблему защиты, сохранения и развития родных языков. И если мы сами не можем этого сделать – потому что не умеем, не знаем как, потому что нет денег и потому что не хотим, в конце концов, – то может быть, настала пора обратиться к опыту, накопленному нашими соседями? Ратификация Российской Федерацией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, уверен, станет не только важным свидетельством, но и залогом продвижения нашей страны по пути реальной демократизации.

Примечания

¹ Наиболее крупные рукописные, аудио- и видеокolleкции шорских фольклорных материалов собраны Н.П. Дыренковой (Архив НИИ МАЭ РАН), С.С. Торбоковым (архивы Государственного Литературного музея, Института алтаистики Республики Алтай, Хакасского НИИ языка, литературы и истории, Новокузнецкого музея им. Ф.М. Достоевского), А.И. Чудояковым (архив кафедры шорского языка и литературы КузГПА), Л.Н. Арбачаковой, Д.А. Функом.

² Начальная школа, в которой постоянно работали два учителя, до конца 2007 г. находилась на балансе Чувашинского сельского совета. После ликвидации этого сельсовета (согласно Закону об административно-территориальном устройстве Кемеровской обл. № 215-ОЗ от 26 декабря 2007 г.) входившие в него населенные пункты были переданы в непосредственное подчинение г. Мыскы. В мае 2010 г. я получил обратно посланную мной в эту школу бандероль с книгой. На ней стояла отметка почты “Школа ликвидирована”.

³ Текст в оригинале: “We went looking for a language we weren’t sure even existed... It had been misidentified and falsely lumped together with other languages in Russia for convenience and political reasons, and we didn’t know if any speakers were left. No scientists had visited them in 30 years, and no one had ever recorded a single word of the language”. Пер. на рус. яз. мой. – Д.Ф.

⁴ Если даже предположить, что эта группа барабинских татар избрала для продвижения на запад наиболее короткий путь, то мы будем вынуждены констатировать, что ей пришлось преодолеть около 40 тыс. км и пересечь два океана.

⁵ На сегодняшний день это 11 муниципальных образовательных учреждений: четыре – начальные, четыре – средние и три – основные общеобразовательные школы.

⁶ Текст в оригинале: «They recently regained their ethnic status and registered as a “tribe” with 426 members (only 35 to 40 people still speak the language fluently)».

⁷ О том, как было организовано факультативное преподавание телеутского языка в средней школе с. Беково Беловского р-на Кемеровской обл. см.: *Funk* 2008: 285–289.

⁸ Честно говоря, не знаю ни одного телеута из закончивших эту кафедру, кто свободно говорил бы по-телеутски или по-шорски.

⁹ В случае выбора специализации по алтайскому языку и литературе здесь готовят специалистов с присуждением квалификации “Филолог. Преподаватель” или же “Учитель алтайского языка и литературы, русского языка и литературы” (www.gasu.ru).

¹⁰ Об обеспеченности языков коренных малочисленных народов Севера учебниками и учебными пособиями по состоянию на 2004/2005 учебный год, напр., см.: *Кузьмин и др.* 2005.

Литература

- Акын 2010 – Акын Л. [рец.] Li Young-Song, Li Ho-Young, Choi Hyong-Won, Kim Geong Sook, Lee Dong Eun, Mehmet Ölmez. A Study of the Middle Chulym Dialect of the Chulym Language. Altaic Languages Ser. 3. Seoul, 2008. 260 p. // Российская тюркология. 2010. № 2. С. 97–99.
- Баскаков 1981 – Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
- Бельчегешева 2005 – Бельчегешева Н.В. Организация преподавания родного языка для шорских детей в школе: из опыта работы в Чувашинской начальной общеобразовательной школе // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. <http://lingsib.ica.ras.ru>.
- Бирюкович 1979 – Бирюкович Р.М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.
- Бирюкович 1979а – Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. I. М., 1979.
- Бирюкович 1981 – Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. II. Саратов, 1981.
- Букварь... 2009 – Букварь: учебное пособие по сойотскому языку для учащихся 1 класса / Авт.-сост. В.И. Рассадин. СПб., 2009.
- Змановская 2008 – Змановская Е. Чулымцы возрождают родной язык // <http://krasnoyarsk.rfn.ru>
- Кузьмин, Артеменко 2007 – Кузьмин М.Н., Артеменко О.И. Справка о языках народов Российской Федерации и о языках, сказки и песни седого Саяна. В отношении которых в России может применяться Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 г. // <http://ipro-rus.ru>
- Кузьмин и др. 2005 – Кузьмин М.Н., Насилов Д.М., Артеменко О.И. Родные языки коренных малочисленных народов Севера в контексте реформирования системы образования // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. <http://lingsib.ica.ras.ru>
- Легенды... 1996 – Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор / Записал и перевел с тофаларского В.И. Рассадин. Иркутск, 1996.
- Львова, Томилов 2005 – Львова Э.Л., Томилов Н.А. Современное этническое развитие [чулымцев] // Тюркские народы Сибири. М., 2005. С. 168–170.
- Львова и др. 2005 – Львова Э.Л., Томилов Н.А., Функ Д.А. Общие сведения [о чулымцах] // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2005. С. 125–133.
- Невская 2005 – Невская И.А. Шорский язык // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. <http://lingsib.ica.ras.ru>.
- Программа... 2007 – Программа социально-экономического развития муниципального образования “Тегульдетский район” Томской области на 2007–2012 годы. Тегульдет, 2007 (<http://teguldet.tomsk.ru>).
- Рассадин, Шибкеев 1989 – Рассадин В.И., Шибкеев В.Н. Тоъфа букварь: Тофаларский букварь для первого класса тофаларских школ. Иркутск, 1989.
- Рассадин, Шибкеев 1990 – Рассадин В.И., Шибкеев В.Н. Сылтысчык (Звездочка). Книга для чтения в 1-м классе тофаларских школ. Иркутск, 1990.
- Рассадин 1994 – Рассадин В.И. Төрээн соот (Родное слово): Книга для чтения во 2-м классе тофаларских школ. Иркутск, 1994.
- Рассадин 1995 – Рассадин В.И. Тофаларско-русский словарь: Русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995.
- Словарь... 2006 – Словарь сойотско-русский: около 4500 слов: учебное пособие для учащихся средней школы / Сост. В.И. Рассадин. СПб., 2006.
- Телеутский фольклор 2004 – Телеутский фольклор / Сост., вступ. ст., запись, пер. на рус. яз. и коммент. Д.А. Функа. М., 2004.
- Токмашев, Токмашев 2008 – Токмашев М.Г., Токмашев Д.М. Теленет тили. Телеутский язык: учебное пособие по телеутскому языку для русскоязычных. Кемерово, 2008.
- Тунекова 2009 – Тунекова Е. О высшем образовании для коренных народов // Мир коренных народов живая Арктика. Спецвыпуск “Молодой абориген”. Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. 2009. № 23. С. 75–76.
- Функ 1993 – Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993 (Матер. к сер. “Народы и культуры”. Вып. 17. Кн. 2).
- Функ 2005 – Функ Д.А. Библиография работ по телеутскому языку // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. <http://lingsib.ica.ras.ru>
- Чайковская 2008 – Чайковская Е. В Шории обсудили проблемы сохранения малокомплектных школ и родного языка // www.raipon.org, публикация от 4.09.2008.

- Шенцова* 2005 – *Шенцова И.В.* Изучение родного языка в условиях вузовского и послевузовского образования шорской молодежи // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. <http://lingsib.iea.ras.ru>
- Funk* 2008 – *Funk D.* Teleuts, Interviews and Preparation of Summaries by D.A. Funk // *Sillanpää L.* Awakening Siberia. From Marginalization to Self-Determination: The Small indigenous Nations of Northern Russia on the Eve of the Millennium. Helsinki, 2008. P. 278–292.
- Menges* 1982 – *Menges K.H.* Die sibirischen Türksprachen // Handbuch der Orientalistik / Hrsg von B. Spuler. Erste Abt. Der Nahe und der Mittlere Osten. Bd. 5. Altaistik. Abschnitt 1. Turkologie. Leiden/Köln, E.J. Brill, 1982. S. 132–178.

D.A. Funk. On the Present State of Languages of Smaller Turkic Peoples of Southern Siberia (in the Context of Applicability of the European Charter for Regional or Minority Languages)

Keywords: Siberian peoples languages, Shors, Chulym, European Charter for Regional or Minority Languages

European Language Charter and Russia (guest editor – S.V. Sokolovski)

The selection of articles discusses the problems that Russian authorities may come to face in the course of implementation of norms stipulated by the European Charter for Regional or Minority Languages. The article by S.V. Sokolovski focuses on the problematic issues of the implementation procedure, which arise out of the comparison of Europe's experiences with the particulars of the present situation in Russia. V.V. Stepanov compares the norms of the acting legislation in Russia with the norms of the Charter and comments on the high degree of mutual correspondences; he further discusses the extent to which particular languages are widespread or used, and suggests the main directions of support for those languages. O.N. Podlesnykh in her contribution examines the principal source for the analysis of languages distribution in the country – state censuses and their design programs – and assesses the level of reliability of census data, specifically focusing on Povolzhie as one of the most complex regions in terms of the linguistic makeup. D.A. Funk further discusses the situations among smaller peoples of the North, Siberia, and Far East, which are most vulnerable in regard to linguistic influences and policies.